

Межевой.

(Изъ жизни землеустроителей въ 90-годахъ).

VII ¹⁾.

На мѣсто новыхъ работъ пришлось мнѣ плыть на сѣверъ Х—ской губерніи на пароходѣ въ сопровожденіи двухъ молодыхъ межевыхъ Чохина и Павлова, только-что вырвавшихся изъ стѣнъ землемѣрнаго училища. Попавъ на свободу и получивъ деньги, они не теряли время въ губернскомъ городѣ, стараясь урвать отъ новой жизни всѣ удовольствія, доступныя юному возрасту, искуститься во всѣхъ излишествахъ, которыя казались завѣтнымъ и запрещеннымъ плодомъ... Они старались растратить бушующія въ нихъ молодыя силы и упиться жизненнымъ наркомомъ, доступнымъ въ губернской глуши въ самыхъ грубыхъ формахъ, въ обществѣ отчаянныхъ дѣвицъ и махнувшихъ на все рукою кутиль и забулдыгъ... Когда мои компаньоны появились на палубѣ парохода, разводившаго уже пары передъ отплытіемъ, въ ихъ движеніяхъ проявлялась какая-то излишняя суетливость, особенно въ Павловѣ, болѣе легкомысленномъ. Съ виноватой улыбкой, захлебываясь, онъ мнѣ что-то началъ объяснять, почему онъ чуть не опоздалъ на пароходъ, что-то забылъ, что-то потерялъ. Чохинъ же, болѣе солидный и угрюмый, блондинъ съ умными сѣрыми глазами, смотрѣлъ на него укоризненно и, выслушавъ путанную рѣчь своего пріятели, махнулъ рукой и сказалъ: „полно-ка ты врать, Васюха, сознайся ужъ, что закрутилъ, закутилъ и меня втянулъ въ эту кашу“. А „каша“ заключалась въ томъ, что мои молод-

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1915 г.

чики три дня пропадали въ какой-то трущобѣ передъ отъѣздомъ, спустивши почти всѣ свои денежки, полученныя въ видѣ пособія, прогоновъ и проч.

— Зачѣмъ вы это такъ?—спрашивалъ я ихъ.

— Отъ тоски, П. И., по дому, по родинѣ...

— И что же... утѣшились?

— Нѣтъ... какое!—и онъ махнулъ рукой, какъ-то еще гаже на душѣ сдѣлалось...—не судите насъ строго...

— Я и не сужу, а все-таки... неладно.

— Да ужъ какое ладно!.. ладно-то осталось дома...

Задумчивый Чохинъ чуть не сдѣлался жертвой неосторожности легкомысленнаго Павлова при дальнѣйшемъ пути... Съ парохода мы сѣли на лошадей и поѣхали на перекладныхъ. На одномъ перегонѣ намъ дали широкій тарантасъ, въ которомъ можно было свободно помѣститься втроемъ. Я сѣлъ посрединѣ, а мои „тѣлохранители“, какъ они себя въ шутку называли, по бокамъ. Увидавъ какую-то птицу на дорогѣ, Павловъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и хотѣлъ выстрѣлить въ нее, когда повозка случайно остановилась. Я удержалъ его отъ этой глупости, и онъ послушно уже опустилъ револьверъ, чтобы положить его въ карманъ, но вдругъ раздался выстрѣлъ, и Чохинъ, сидѣвшій около меня, какъ-то неестественно дернулъ ногой. Оказалось, что пуля пронизала насквозь голенище его сапога, не задѣвъ ноги. Пролети пуля выше, его нога бы была раздроблена. Я ахнулъ. Павловъ поблѣднѣлъ.

— Эхъ, сапога-то жаль, — говорилъ Чохинъ, разуваясь, — новый былъ...

— А ноги-то не жаль бы было? — спросилъ я, выругавъ присмирѣвшаго и испуганнаго Павлова.

— Что нога? Ну, послали бы домой на излѣченіе... не стоитъ беспокоиться... и жизнь-то вся копейки не стоитъ, — философствовалъ онъ.

— Въ ваши-то годы!

— Именно въ эти-то годы... куда эта молодость... по нынѣшнимъ временамъ?..

Его грызла какая-то затаенная грустная мысль, и эта постоянная потка, звучавшая и потомъ даже въ минуты веселья, дѣлала его интереснымъ и симпатичнымъ несмотря на взглядъ исподлобья и угрюмый видъ.

Въ селѣ Чусовомъ, составлявшемъ центръ будущихъ работъ, насъ уже поджидалъ Остапенко. На колокольчики онъ немедленно появился на земской квартирѣ.

— Съ прївздомъ,—обратился Остапенко ко мнѣ,—по благолучію ли доѣхали? Какъ здоровеньки?.. А вы, молодые люди, пожалуйста ко мнѣ, теперь вы отдохнули съ начальствомъ, а завтра встанемъ съ солнышкомъ и пойдѣмъ на работы всѣ скопомъ магистраль гнать... дни-то золотые стоятъ, каждый день дорого стоитъ,—и онъ, взъерошивъ свои вихри, взглянулъ въ окно.

Надъ крышами низенькихъ избъ млѣлъ чудный закатъ яснаго лѣтнаго вечера. Въ открытое окно несся здоровый запахъ навоза. Возвращавшееся съ поля стадо, меланхолично побрякивая бубенчиками, поднимало столбы пыли по деревенской улицѣ. Мычали коровы, блѣяли овцы, останавливаясь около своихъ воротъ, отворявшихся съ привѣтливимъ скрипомъ заботливой хозяйской рукою... Тихая сладкая грусть заползала въ сердце отъ этой идилліи, отъ этого деревенскаго покоя и тишины, прерываемой отдѣльными звуками деревенской жизни. Послѣ города, казалось, бурное теченіе жизненнаго склада здѣсь остановилось, замкнувшись въ сонные берега, и струя жизни словно заснула, медленно, едва замѣтно, ползя по вырытому руслу со старицами и заводами...

Работы по проведенію магистральной линіи, которая должна была послужить основаніемъ новой сѣмки, начаты были совмѣстно всѣми межевymi моей партіи. Остапенко, какъ полководецъ, повелъ войско межевыхъ и рабочихъ на атаку даннаго для сѣмки района, заключавшаго двѣ волости. Магистраль надо было „прогнать“ просѣкою верстъ на 40 длины. Онъ долженъ былъ составить базу для планшетовъ, на которые разбивалась вся дача. Такую большую просѣку необходимо было вести черезъ нѣсколько постоянныхъ точекъ, чтобы она представляла минимальныя отклоненія отъ идеальной прямой линіи. Для этого нужно было потратить нѣсколько дней совмѣстной работы и, разумѣется, сдѣлать нѣсколько ночевокъ въ попутныхъ деревняхъ, мимо которыхъ проводилась магистральная линія.

Въ одну изъ такихъ остановокъ въ дер. Дремовой всѣ мирные сельскіе жители были взбудоражены появленіемъ Остапенко со своимъ отрядомъ. Хозяиномъ земской квартиры оказался староста изъ наиболѣе зажиточныхъ „чердаковъ“, говорящій хорошо по-русски въ отличіе отъ большинства, съ которыми можно было вести рѣчь черезъ переводчика. Когда, измученная денной работой, орава межевыхъ ввалилась въ избу и разсѣлась по лавкамъ, Остапенко, какъ атаманъ, сѣвъ въ „красный“ уголь подъ образами, стукнулъ кулакомъ по столу и крикнулъ на хозяина.

— Ну, хозяинъ, мы устали, тащи намъ горилки... и угощай насъ!

Староста почесалъ въ затылкѣ и мялся въ нерѣшительности.

— Ну чего зачесался! Давай, коли есть, видишь, землемѣры пришли. Въ это время съ палатей, кряхтя, слѣзъ старикъ, его отецъ.

— Тащи, братъ, Аѳанасій, — прошамкалъ старикъ, — а то хуже будетъ... Старики сказываютъ: голодъ или моръ, или землемѣръ на дворъ...

— Ахъ ты, дѣдъ проклятущій, какъ онъ насъ почитаетъ...

— Ничего, ваше благородіе, не подѣлаешь, изъ пѣсни слова не выкинешь, осклабился старикъ, поклонившись въ поясъ честной компаніи.

— Ужъ видно тащить, коли приказываютъ, и староста полѣзъ въ уголь, вынувъ изъ-за божницы цѣлый штофъ „проклятаго велья“.

Къ магистралю прицѣпилась еще одна особа женскаго пола и вотъ какимъ образомъ. Съ Басневымъ, молодымъ межевщикомъ, поѣхала на работы его жена, молоденькая бабочка, вертячая, съ прозрачными русалочными глазами, любящая окружать себя молодежью. Несмотря на настоянія мужа остаться въ селѣ Чусовскомъ, она поѣхала вслѣдъ за двинувшейся партией въ телѣжкѣ. Остапенко былъ этимъ возмущенъ.

— Это худая баба за нами увязалась... чего ей надо, бисовой юбкѣ, ворчалъ онъ громко сосѣду.

— Не ворчите, Филиппъ Панкратьевичъ, я вамъ не помѣшаю... однимъ глазкомъ на васъ посмотрю, какъ вы дѣйствуете, кокетливо улыбаясь, говорила Баснева.

— Да мнѣ что? Вамъ-то какво будетъ, сударыня, среди мужчинъ, ваше дѣло дамское.

— Я—межевая косточка, оправдывалась та.

— Такъ-то такъ, да боюсь, какъ-бы мои жеребята на васъ не заглядѣлись и магистраль не сломали.

— А мы его склеимъ, съ хохотомъ говорила Баснева.

— Супругъ вашъ я то никакъ цѣлую банку клею съ собой захватилъ, и Остапенко указалъ на бутылку водки, торчавшую изъ кармана Баснева, который не прочь былъ въ минуты грусти, а иногда и ревности прибѣгнуть ко этому „клею“.

Въ одной деревушкѣ, оказавшейся на пути магистраля, застала ночь нашихъ землемѣровъ. Среди грязныхъ курныхъ избъ была одна просторная новая изба, принадлежавшая зажи-

точному „чердаку“. Пришлось въ ней поневолѣ размѣститься всѣмъ въ повалку на сѣнѣ. Супруги отдѣлились отъ прочей компаніи, устроивъ изъ простыни что-то въ родѣ занавѣски.

— Охъ, Басневъ, Басневъ, береги жинку, подшучивалъ Остапенко, укладываясь на сѣно въ общую кучу, кавалеровъ много, а перегородка больно тонка.

— Много званыхъ, да мало избранныхъ, отвѣчалъ женскій игривый голосъ изъ-за простыни.

— Кто же изъ насъ избранный?—спрашивали молодые веселые голоса.

— Спать пора, отвѣтилъ за жену Басневъ и потушилъ свѣчку.

Это стремленіе „быть избраннымъ“ надѣлало много горя и хлопотъ Остапенко.

Когда магистраль благополучно „прогнали“, при чемъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ изломовъ, и отъ него началась съемка по планшетамъ, межевые получили каждый по планшету. Къ болѣе опытнымъ были прикомандированы новички, чтобы затѣмъ перейти на самостоятельный планшетъ. Къ Басневу былъ прикомандированъ молодой, румяный и заикающійся Палкинъ, никогда не разлучавшійся съ гармоніей. Какъ-то такъ вышло, что планшетъ Баснева оказался настоящимъ „центромъ“ для молодежи. Послѣ работъ туда летѣли молодые кавалеры въ телѣжкахъ и верхомъ, какъ на пожаръ, чтобы провести вечеръ и часть ночи, подъ звуки гармоники, въ обществѣ „многообѣщающей“ Басневой, за дружеской бутылью „зелена вина“. Началось манкированье рабочими днями. Остапенко бѣсился и проклиналъ „бисову бабу“, закрутившую добрыхъ молодцевъ. Я долженъ былъ экстренно дѣлать соглашеніе съ крестьянами по опредѣленію дѣйствительнаго пользованія и будущихъ надѣловъ. Для этой цѣли я разъѣзжалъ по деревнямъ, не подозрѣвая о веселомъ житьѣ-бытьѣ „центра“ молодежи и о хлопотахъ и гнѣвѣ „за безпорядокъ“ Остапенки...

— Былъ знойный іюньскій день. Моя телѣжка, запряженная парюю сытыхъ деревенскихъ лошадокъ, быстро катилась по колеямъ сосноваго бора, примыкавшаго къ угодыямъ села Чусоваго. Боръ рѣдѣлъ и сквозь ядренные стволы отдѣльныхъ сосенъ-исполиновъ ярко зеленѣли освѣщенные золотыми лучами кусты ракиты и молодая березки. На поворотѣ дороги вижу просѣку, вдали мензулу, съ лежащими около нея рабочими. Телѣжка катится быстро впередъ, поднимая придорожную пыль. Вдругъ сзади раздается громкій крикъ. Ямщикъ оста-

навливаетъ по моему знаку лошадей. Я оглядываюсь, и вижу бѣгущаго къ моей телѣжкѣ безъ шапки, съ растрепанными, развѣвающимися по вѣтру полусѣдыми кудрями Остапенко, дѣлающаго мнѣ знаки.

— Что случилось, Филиппъ Панкратьевичъ?

— Помилуйте, П. И., говорилъ онъ, еле переводя духъ и отирая крупныя капли пота влѣтчатымъ платкомъ съ лица, покрытаго пылью, силъ моихъ нѣтъ справиться съ этимъ негоднемъ...

— Съ кѣмъ?

— Да какже, посудите сами, ничего не можетъ и не хочетъ дѣлать одинъ... я пошелъ съ нимъ въ поле тыкать его носомъ...

— Кого?

— Да Палкина... этотъ балбесъ меня замучилъ просто.. отвернулся отъ него на минутку въ кусты, а онъ бросилъ мензулу, рабочихъ, и безъ оглядки убѣжалъ къ Басневу, благо его изба всего въ двухъ верстахъ отсюда, ну, помилуйте, вѣдь такъ нельзя... вы начальникъ, примите мѣры, если меня не слушается... На кой онъ лѣшій годится? прогоните его въ городъ съ работъ!.. Что же это за безобразіе!.. какой это порядокъ!—кипятился Остапенко, отчаянно жестикулируя.

Я его по возможности успокоилъ, давъ слово „принять мѣры“, хотя и не въ такой степени, въ какой онъ совѣтовалъ.

— А все... бисова баба, чтобъ ей въ болотѣ увязнуть по самые ея зѣнки лядаціе, ругался Остапенко.

— Разгоните этихъ жеребятъ въ дальніе углы, а то всѣмъ башки свертѣла дурная баба... Рабочіе дни вѣдь пропускаются...

Пришлось расселить по самымъ дальнимъ угламъ (на дальніе планшеты) увлекающуюся молодежь, а Палкина отдать подъ непосредственный надзоръ самого Остапенки. Баснева квартира опустѣла, прекратилась музыка, пѣніе и каждый изъ пировавшихъ искупалъ свою вину одинокимъ сидѣніемъ въ глухой деревнѣ и усиленной денной работой... Дамочка не выдержала такого „крутого“ обращенія...

Не прошло и недѣли, какъ она затосковала отъ одиночества, тѣмъ болѣе, что ея супругъ возвращался съ работы поздно вечеромъ усталый, голодный и угрюмый. Подъ аккомпаниментъ жениныхъ упрековъ онъ быстро засыпалъ, доводя ее до слезъ своимъ равнодушіемъ „къ ея горькой долѣ“.

Черезъ двѣ недѣли уже онъ ее провожалъ въ телѣжкѣ въ городъ. На несчастье по дорогѣ невдалекѣ отъ села встрѣтилась рѣчка съ запрудой мельницы. Черезъ рѣчку былъ устроенъ

у запруды легкомысленный мостикъ. Какъ ни предупреждалъ ямщикъ, но барынька приказала ѣхать по мостику. Кончилось тѣмъ, что она вылетѣла изъ повозки въ воду,—хорошо, что было мелко, и она отдѣлалась однимъ испугомъ и мокротой. Остапенко былъ внѣ себя отъ радости, узнавъ о такомъ пассажѣ.

— Подѣломъ ей, не верти хвостомъ, чортова перечница, вотъ и обмочило... Съ мужемъ-то скучно показалось безъ кавалеровъ... Басневъ-то больно мягокъ... другой бы не такъ ее повернулъ... Эхъ, поневолѣ запьешь съ такой бабой!

И дѣйствительно Басневъ сталъ „запивать“, хотя и былъ отличнымъ работникомъ. Когда я его увидалъ черезъ недѣли двѣ послѣ отъѣзда жены его, я такъ и ахнулъ. Лицо осунулось, глаза воспалены, губы трясутся.

— Что съ вами?

— Хвораю-съ, всего ломаетъ, говорилъ онъ, уныло смотря въ землю.

— Не съѣздить ли вамъ къ земскому врачу полѣчиться? спрашивалъ я.

— Ничего и такъ, можетъ, пройдетъ... оскомляюсь...

— Жена-то пишетъ ли изъ города?—спрашивалъ Остапенко.

— Рѣдко, отвѣтилъ глухо Басневъ и, махнувъ рукой, вышелъ изъ комнаты.

— Знаемъ эту болѣсть, кивнулъ головой вслѣдъ ему Остапенко, жаль бѣднягу, изъ-за бабенки такой пропадаетъ, а работникъ—золото... смотрите на его планшеть... какая чистота! Сколько съемки! Учить его нечему, самъ всякаго научить...

VIII.

Приблизительно черезъ мѣсяць моего пребыванія въ краѣ „чердаковъ“, я получилъ черезъ нарочнаго отъ Крючкова записку слѣдующаго телеграфнаго содержанія: „Ѣдемъ съ Вершининымъ къ вамъ. Готовьтесь. Производитель Палкинъ разсердилъ генерала. Вашъ Крючковъ“.

Записка была писана карандашемъ характернымъ почеркомъ гондо Ѳедора Ивановича. Это гондо отлично знали межевые покондуитамъ, опредѣляющимъ ихъ служебно-нравственныя качества. Ѳедоръ Иванычъ не писалъ а „рисовалъ“ и, когда онъ находилъ сильную неисправность въ планѣ межевого и былъ имъ недоволенъ, то онъ сжималъ губы, взглядывалъ на него многозначительно и произносилъ: „я вамъ нарисую-съ“. И это

„нарисую-съ“ имѣло всегда печальныя послѣдствія для виноватаго въ видѣ убавки пособія, ссылки на работу въ трудную мѣстность и пр.

Получилъ я это краткое извѣстіе и ощутилъ въ душѣ своей волненіе... Странно устроенъ человекъ. Кажется, „ничего не упущено, все въ порядкѣ“, а при извѣстіи, что „генераль ѣдетъ“, начинаютъ служивые люди тревожиться, суетиться и чѣмъ далѣе отъ центра, тѣмъ сильнѣе. Въ столицѣ слишкомъ много повсюду генераловъ, они примелькались и на улицахъ и въ вѣдомствахъ, а въ провинціи, да еще въ глухомъ селѣ, призракъ петербургскаго генерала является чѣмъ-то огромнымъ, давящимъ и чудовищнымъ. Приближеніе разрушительной кометы можетъ только сравниться съ этимъ явленіемъ. Даже деревенская идиллія, всѣ эти поля съ шелестящей рожью, стадо съ бубенчиками, лай собакъ, скрипъ воротъ, разговоры на завалинкахъ дремлющихъ стариковъ и отдыхающихъ отъ дневныхъ работъ мужиковъ, все это отражается въ сознаниіи, покрытомъ какимъ-то флеромъ, словно въ водѣ озера, взбуряженнаго налетѣвшимъ порывомъ вѣтра. Это давленіе отражалось на Остапенкѣ, на межевыхъ и даже на рабочихъ. У всѣхъ на лицѣ появилась нѣкоторая оторопь, безпредметный испугъ, хотя собственно рабочимъ и просто мирнымъ сельскимъ обывателямъ совершенно нечего было „бояться“ генерала. Но таково уже стадное чувство запуганности русской природы, вѣками приученной къ страху передъ властью, даже посторонней.

— А скоро пріѣдетъ генераль?—спрашивалъ меня, наружно храбрясь, Остапенко.

— А скоро пріѣдетъ питерскій анараль?—спрашивалъ шепотомъ хозяинъ земской квартиры.

Деревенскіе ходатаи по дѣламъ не дремали, писались просьбы въ кабакѣ на имя „главнаго высшаго правителя и ревизора“,— не было титула самаго преувеличеннаго, который бы они не употребили въ своихъ слезницахъ насчетъ „земельнаго продовольствія“. Домъ, назначенный для пріема высокаго посѣтителя, стоявшій по сосѣдству съ моей хатой, мыли и скребли тщательно цѣлый день.

Наконецъ однажды ночью по улицѣ раздался грохотъ отъ несущихся повозокъ, звонъ бубенцовъ и колокольцовъ... Все это пронеслось мимо оконъ... Я привскочилъ съ моего ложа. Черезъ четверть часа растворилась дверь, и вбѣжалъ вѣстовой съ озабоченнымъ лицомъ.

— Питерскій генераль пріѣхалъ...

— Сердитый?

— Нѣтъ, ничего, какъ будто, не ругается... вышелъ изъ коляски и про васъ спросилъ, съ нимъ секретарь, должно быть, молодой въ отдѣльной повозкѣ и еще какой-то начальникъ съ колесикомъ серебряннымъ на одеждѣ, въ очкахъ...

Скоро я былъ позванъ къ Вершинину. Онъ стоялъ посрединѣ комнаты, высокій, въ форменной тужуркѣ съ красными отворотами, и обтиралъ руки полотенцемъ, одинъ конецъ котораго держалъ молодой секретарь. Крючковъ возился въ углу со своимъ завѣтнымъ чемоданомъ и кивнулъ мнѣ головой, взглянувъ черезъ очки. Вершининъ смотрѣлъ своими свѣтлыми выпуклыми глазами поверхъ моей головы, стараясь уловить меня въ лучъ зрѣнія. Сѣдые волосы, тщательно расчесанные на головѣ и небольшой бородѣ, серебрились при свѣтѣ двухъ лампъ. Привѣтливая, нѣсколько саркастическая улыбка скользила по сохранившему еще свѣжесть лицу.

— Очень радъ, что засталъ Васъ бдящимъ, а вотъ вашего сосѣда по работамъ г. Палкина пришлось отыскивать какъ зайца, запутавшагося въ дебряхъ своей дачи.

— Палкинъ, я вамъ докладывалъ, ваше превосходительство, человекъ деревянный-съ, а здѣсь другое дѣло-съ, буркнулъ изъ угла Крючковъ.

— Деревянный, ха, ха, и генералъ раскатисто разсмѣялся, ну, посмотримъ, какъ ваши дѣла... соглашенія съ деревнями сдѣлали?

— Сдѣлалъ, ваше превосходительство... Послѣдовалъ легкой экзаменъ, касающійся инструкцій и правилъ и порядка дѣйствій при поземельномъ устройствѣ новой дачи.

— Вижу, что вы начали не дурно вести дѣло... Къ завтраму соберите всѣхъ вашихъ межевыхъ, я осмотрю ихъ планы, а также ваши дѣла, а теперь дайте-ка намъ, Федоръ Ивановичъ, по рюмочкѣ коньячку, и мы промочимъ горло съ молодымъ производителемъ работъ. Лимону нѣтъ, закусите сахаромъ, добавилъ онъ, когда бутылка появилась на столѣ.

— А что мы ѣсть завтра будемъ?—спросилъ онъ Крючкова.

— Межевые-съ, ваше превосходительство, прискачутъ завтра изъ медвѣжьихъ угловъ и привезутъ рябчиковъ, и я вамъ жарю ихъ въ папильоткахъ особеннымъ образомъ, проговорилъ Крючковъ, закрывая глаза какъ бы отъ превкушенія будущаго блаженства.

— Знаю, что вы мастеръ ловить и жарить рябчиковъ, съ усмѣшкой сказалъ Вершининъ.

Я откланялся за позднимъ временемъ и началъ строчить предписанія межевымъ, разселеннымъ „по медвѣжьимъ угламъ“. Несмотря на ночь, полетѣли гонцы во всѣ концы. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я хотѣлъ улечься на покой, но въ хату мою вошелъ Крючковъ.

— Уложилъ генерала и къ вамъ зашелъ побесѣдовать, а, чтобы не такъ намъ скоро заснуть, я принесъ коньячку... освѣжительнѣйшее средство, я вамъ доложу, говорилъ онъ, усаживаясь за столъ съ бутылкой.

— Что случилось у Палкина?—любопытствовалъ я.

— Препятственное происшествіе. Этотъ деревянный человекъ отлично зналъ, что генераль ѣдетъ, и по своей трусости, спрятался въ дальней деревнѣ и, какъ страусъ, закрылся собственнымъ крылышкомъ. Пришлось его оттуда извлекать, что конечно не могло повліять на хорошее расположеніе духа нашего генерала какъ вы сами, изволите догадаться. Затѣмъ-съ вмѣсто того, чтобы ѣздить по деревнямъ и дѣлать соглашеніе съ мужиками на мѣстѣ, какъ вы это, кажется, изволили продѣлать и о чемъ мы слышали, онъ собиралъ сходъ въ волостномъ селѣ скопомъ, въ границахъ владѣній, какъ слѣдуетъ, не разобрался, много путаницы оказалось, а главное-съ, его одинъ выселокъ Васюковскій подкузмилъ. Этотъ выселокъ оказался за болотами верстъ такъ за 12, мужички уперлись и къ нему не пришли, а на грѣхъ у этихъ мужичковъ Васюковскихъ были большія распри съ волостнымъ селомъ. А какъ услышали они о пріѣздѣ генерала, бацъ ему жалобу, что они оставлены безъ вниманія на счетъ будущихъ надѣловъ. Генераль накинулся на Палкина: „почему вы не съѣздили въ Васюковскій поселокъ?“

— Да туда не пройти, не проѣхать, дорога плоха, отвѣтилъ Палкинъ. А онъ и по хорошимъ дорогамъ-то не любитъ ѣздить, прогончики вѣдь лучше сохранить, чѣмъ тратиться, все годится дѣтишкамъ на молочишко. „А!.. дорога плоха! Такъ я съ вами пѣшкомъ пойду“, крикнулъ Вершининъ, и что бы вы думали?

Вѣдь пошелъ и насъ повелъ за собой, ужъ мы перли, перли по кочкамъ, какъ кулики, скакали, генераль два раза по колѣно провалился, при чемъ ругался отборными словами въ три этажа и все-таки дошелъ къ стыду и посрамленію Палкина. Соглашеніе было сдѣлано, протоколъ составленъ... вотъ-съ какія дѣла!—заклучилъ свою рѣчь Крючковъ, опрокинувъ въ себя рюмку коньяку.

— А вамъ не трудно ѣздить съ нимъ, Федоръ Ивановичъ?— спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать... Не легко-съ! Что говорить?.. Да вѣдь семья-съ, семеро душъ, самъ-девять... надо похлопотать, потрудиться... Вся моя надежда на нашего „слѣпого“. Вѣдь работы въ губерніи кончатся, куда я дѣнусь? Въ отставку? А на мою пенсію развѣ можно прожить? За штатъ? А семья?.. Вотъ и думаю, поѣзжу я съ нимъ, а онъ, можетъ быть, и вспомнить и устроить меня въ Сибирь на новое поземельное устройство... Нужда пляшетъ, нужда скачетъ, а гдѣ нужно, пѣсенки поетъ...

— И рябчиковъ жарить, добавилъ я.

— Бываетъ и хуже-съ, сказалъ онъ съ жалкой улыбкой. Вѣки и глаза его покраснѣли, морщины на лицѣ обозначились глубже, на просвѣчивающей лысинѣ показались капли. Въ эту минуту передо мной сидѣлъ не бодрящійся и энергичный, наводящій ужасъ на межевыхъ, Крючковъ, а безпомощный жалкій старикъ...

Утромъ мои межевые стали слетаться со всѣхъ концовъ, какъ испуганныя воробьи отъ холостого заряда, подъ крылышко Остапенко, въ ожиданіи своей участи. У всѣхъ у нихъ были испуганныя и полныя томленія лица.

Мой служитель Селиванъ, отставной солдатъ изъ „чердаковъ“, тоже раздѣлялъ общее волненіе. Онъ взглядывалъ на меня своими безцвѣтными глазами, безъ рѣсницъ, въ которыхъ сквозила хитрость вмѣстѣ съ апатіей, и, понимая важность момента, выказывалъ необычную для него расторопность. Исполняя обязанности вѣстового, онъ служилъ и за повара, умѣя хорошо готовить единственное кушанье „бешкетъ съ лукомъ“, по его опредѣленію, приготовляемое почти каждый день; производство его въ повара случилось какъ-то само собой. Мѣстные хозяйки, „рогатые черти“ (какъ ихъ прозвали межевые за головной уборъ) были изъ рукъ вонъ нечистоплотны и изъ самыхъ свѣжихъ продуктовъ дѣлали невообразимую дрянь. Онъ сразу побилъ рекордъ своимъ „бешкетомъ“... Въ это „ревизионное“ утро Селиванъ, смѣнивъ обычные лапти на скрипучіе сапоги, съ момента моего пробужденія подавалъ телеграфическіе знаки съ „главной квартиры“, гдѣ остановился Вершининъ и куда Селиванъ ухитрялся неоднократно забѣгать. Безъ всякихъ вопросовъ съ моей стороны онъ рапортовалъ: „генераль проснулись... моются... чай пьютъ... собираются къ вамъ, баринъ“... И, наконецъ, когда на дворѣ

раздался звонкій баритонъ Вершинина, Селиванъ растворилъ дверь наотмашь и вполголоса объявилъ: „генералъ“. (Это напомнило мнѣ сцену изъ пьесы „Madame Sans gêne“ Сарду, именно тотъ моментъ, когда Наполеонъ I-й своей тяжелой походкой входитъ на сцену изъ внутреннихъ покоевъ. Передъ нимъ широко распахиваются двери, и стража предупреждаетъ ожидающихъ его лицъ внушительнымъ возгласомъ: „императоръ“).

Вершининъ вошелъ ко мнѣ, высоко держа голову, въ бѣлоснѣжномъ кителѣ, съ записной книжкой въ рукахъ, свѣжій и надушенный.

— Ну-съ, приступимъ къ дѣламъ, громко сказалъ онъ, послѣ обычныхъ привѣтствій.

Дверь запахнулась, началась ревизія глазъ на глазъ. Вершининъ заставилъ меня читать акты соглашенія съ крестьянами. Читать онъ самъ не могъ, а если ему нужно было заглянуть въ бумагу или книгу, то онъ водилъ носомъ по листу, какъ-то особенно фыркая при этомъ. Чтеніе мое онъ нерѣдко прерывалъ одобреніемъ, а иногда, чѣмъ-нибудь недовольный, рѣвкимъ замѣчаніемъ, произнося его громко, вибрирующимъ фальцетомъ. Сквозь наружную улыбку проскальзывало раздраженіе, выражавшееся въ окрикахъ... Особенно онъ возмутился, когда заглянулъ въ „полевой журналъ“, даваемый каждому межевому и производителю работъ для вписыванія порученій. Бердяевъ въ него ничего не вписалъ по своей халатности. Вершининъ, увидавъ чистыя страницы, вскипѣлъ.

— Гдѣ же порученіе старшаго чиновника? — воскликнулъ онъ, взявъ высокую ноту. Я молча пожалъ плечами.

— А... понимаю! Вы тутъ ни при чемъ, но это обыкновенная уловка этого... чтобы затемнить дѣло, чтобы порученіе неясно было, какъ въ туманѣ... Но я заставлю его... я такъ не пропущу, извольте писать исполненныя работы сейчасъ же...

Я началъ писать.

— Впрочемъ, это долго... Къ завтраму все впишите... Я искореню эту закваску... Пора положить предѣлъ этой неясности, оттягиванію, запутыванію... Онъ самъ у васъ не бывалъ на работахъ?

— Нѣтъ еще.

— Это каменное обвиненіе противъ него. Гдѣ надо, указать, направить... новыя работы, тамъ его нѣтъ, дѣлай, что хочешь, какъ знаешь, производитель работъ, а мы будемъ въ городѣ сидѣть и ручки умывать, какъ Пилать, безъ насъ все сдѣ-

ляется... Я имъ задамъ, этимъ далай-ламамъ, и онъ сдѣлалъ угрожающій жестъ, сталъ писать что-то въ книжку, пыхтя и фыркавая надъ ней. При его слѣпнувшихъ глазахъ, писаніе ему доставляло, какъ видно, не менѣе хлопотъ, чѣмъ чтеніе.

— Въ общемъ все у васъ обстоитъ благополучно, успокоительнымъ тономъ закончилъ онъ осмотръ моихъ документовъ, желаю вамъ и въ будущемъ вести дѣло такъ же энергично... помните одно, что надо скорѣй и скорѣй кончать работы и составлять записи... Вашъ начальникъ—очень милый человѣкъ въ частной жизни, но... въ дѣлахъ!.. и Вершининъ поднялъ къ небу свои голубоватые выпуклые глаза... Они привыкли, эти старые провинціальныя генералы, двадцать пять лѣтъ сидѣть на насиженныхъ мѣстахъ, а теперь другое время настало... Мало того, предупреждаю, что Бердяевъ будетъ вамъ ставить препоны, незамѣтно оттягивать дѣло... не давайтесь въ эту ловушку... Если онъ самъ себѣ будетъ рыть яму, то вы-то въ нее не попадетесь. Вы еще молоды, и ваше будущее впереди...

Я выразилъ сомнѣніе насчетъ моего „служебнаго“ будущаго и отсутствіе надеждъ въ этомъ направленіи.

— Плохой солдатъ, который не надѣется быть генераломъ... а въ Россійскомъ государствѣ быть генераломъ очень хорошо! Вотъ по дорогѣ къ вамъ мы пріѣхали ночью на одинъ заводъ, насъ не пустили на земскую квартиру, не хотѣли даже воротъ отворять... Тогда я вспомнилъ, что я генералъ, выругался, и сейчасъ мнѣ отвели прекрасное помѣщеніе для ночлега...

Были позваны межевые, явившіеся кучею во главѣ съ Остапенко. За нимъ появился и Крючковъ въ качествѣ эксперта и начальника съемки. Развертывались планы, давались объясненія. У однихъ голосъ дрожалъ, слова захлебывались, какъ напр. у Павлова. Другіе, какъ Чохинъ, давали объясненіе спокойно и увѣренно, что нравилось Вершинину, дѣлавшему по поводу каждаго межевого свои отмѣтки въ завѣтной записной книжкѣ. Крючковъ во время осмотра плановъ однихъ подбадривалъ вполголоса, а по поводу другихъ выразительно мычалъ и тыкалъ, молча пальцемъ въ неудачныя мѣста на планѣ. Все обошлось и тутъ благополучно. Никто ожидаемаго „подзатыльника“ не получилъ.

— Ну-съ, а теперь можно и закусить послѣ трудовъ праведныхъ. Такъ, Федоръ Ивановичъ? — добродушно - веселымъ тономъ спросилъ Вершининъ Крючкова, когда межевые были отпущены вмѣстѣ съ Остапенко восвояси. Къ слову сказать, Остапенко держалъ себя во время ревизіи на „высотѣ поло-

женія“, рапортуя генералу, какъ старый опытный фельдфебель во фронтѣ, безъ запинки и смѣло. При вопросѣ объ обѣдѣ угрюмо-торжественный видъ Крючкова исчезъ, смѣнясь улыбкой восхищенія.

— Черезъ полчаса буду имѣть честь угощать ваше превосходительство рябчиками, зажаренными въ папильоткахъ по особому способу, воскликнулъ онъ, быстро направляясь къ двери.

— Ну, ну, посмотримъ, что у васъ выйдетъ въ папильоткахъ, покровительственно кинулъ ему Вершининъ.

— Старый юсъ, знаетъ толкъ въ кулинарномъ искусствѣ, сказалъ Вершининъ по уходѣ Крючкова и, пригласивъ меня къ обѣду, вышелъ изъ моей хаты. За обѣдомъ „съ рябчиками въ папильоткахъ“, имѣвшими нѣкоторый успѣхъ, хотя и не оправдавшій надеждъ Крючкова, генералъ, подъ вліяніемъ коньяка, разошелся. Начались разговоры объ оперѣ, концертахъ и музыкѣ, которую онъ любилъ. Онъ даже напѣвалъ тихо нѣкоторые мотивы, воодушевлялся и дѣлалъ остроумныя замѣчанія. Но какъ только разговоръ переходилъ на X—скій отрядъ, онъ повышалъ голосъ, раздражаясь нецензурнымъ словомъ, и рѣзко обрывалъ.

— А что же, ваше превосходительство, будутъ дѣлать чины послѣ окончанія работъ въ нашемъ отрядѣ?—спросилъ вкрадчиво Крючковъ.

— Что? А... молодые будутъ раскассированы по разнымъ губерніямъ, включая сюда Сибирь и Кавказъ, отвѣтилъ Вершининъ, смакуя коньякъ послѣ того, какъ обѣдъ былъ съѣденъ.

— А старики, выслужившіе пенсію?—напряженно спросилъ Крючковъ.

— За штатъ и въ отставку!—отрубилъ Вершининъ.

Крючковъ поперхнулся глоткомъ вина, закашлялся и страшно побагровѣлъ.

— А кто служитъ еще въ силахъ и у кого большая семья?—подавленнымъ шепотомъ спросилъ онъ.

— Оставимъ этотъ разговоръ, Федоръ Ивановичъ, будемъ говорить о рябчикахъ, которые были сегодня вкусны, хотя и хуже, чѣмъ я ожидалъ, съ мефистофельской улыбкой отвѣтилъ Вершининъ. Федоръ Ивановичъ не могъ поддерживать дальнѣйшаго разговора, его душевное равновѣсіе нарушилось, онъ не могъ попасть въ тонъ и усиленно курилъ молча и сосредото-

точно, прислушиваясь однимъ ухомъ къ „свѣтскому“ разговору генерала.

Наконецъ онъ вышелъ подъ предлогомъ повѣрки одного плана.

— Знаемъ, какъ провѣряетъ онъ планы... тоже старый юсъ, задастъ линію на планѣ межевому, а самъ въ окошко смотритъ, а въ поле ни за что не поидеть, замѣтилъ Вершининъ послѣ его ухода.

— Но онъ опытный и дѣльный, вставилъ я.

— Вы еще молоды и людей не знаете... А я ихъ насквозь вижу, этихъ молодящихся стариковъ. Всѣ они трясутся за свою шкуру теперь, когда приспичило, и они забѣгали, какъ тараканы на жару, а раньше что было? Все это гнилое зданіе, называемое X—скимъ отрядомъ, надо разнести по бревнышкамъ!..

— А въ Сибирь развѣ не могутъ получить назначеніе опытные старые межевые?

— Свыше говорятъ, что *въ новые мѣлки вливать старое вино вредно*, ядовито улыбаясь, сказалъ Вершининъ.

На слѣдующее утро лошади были поданы Вершинину и его свитѣ. Я провожалъ его и видѣлъ, какъ онъ, облеченный въ тужурку съ малиновыми отворотами, прежде чѣмъ сѣсть въ тарантасъ, беспомощно искалъ ногой подножку, глядя въ небо, какъ его поддерживалъ Ѳедоръ Ивановичъ, облеченный въ болотные сапоги „по уши“ и старенькій выцвѣвшій пиджакъ, съ прицѣпленнымъ „колесикомъ“ (повем.-устройство. знакомъ), ярко блестящимъ на солнцѣ. Мнѣ стало жаль Ѳедора Ивановича.

П. И. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

